СКАЗКА

О

ЧЕТЫРЕХЪ БРАТЬЯХЪ И ОБЪ ИХЪ ПРИКЛЮЧЕНІЯХЪ.

Сказку эту читай,
Да на усъ себѣ и мотай.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

МОСКВА

ОТПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МУЖНИКОВА

1868

«Пров 49»

2 экз
Г

Дозволено цензурою. Москва, апрѣля 19-го дня 1868 года.

2 экз

ВЪ ЛѢСУ.

Неизвѣстно когда именно, а только не очень давно; неизвѣстно гдѣ, а только говорятъ, что будто въ Россіи-Матушкѣ, жили были четыре брата, Иванъ да Степанъ, да Демьянъ, да Лука. Жили они съ измальства и до своего полнаго совершеннаго возраста въ дремучемъ лѣсу, лица человѣческаго не видѣвши. А какъ они въ лѣсъ попали, про это, признаться, никогда я не слыхивалъ.

И жили четыре брата душа въ душу: другъ друга любили, другъ другу во всемъ помогали, и каждый изъ нихъ, бывало, скорѣе самъ останется голоднымъ, а ужь брата накормитъ. Выстроили они себѣ въ лѣсу избушку; и каждый день одинъ братъ оставался дома на хозяйство, а трое другихъ уходили въ

лѣсъ, на охоту. Такъ, живучи дружно и согласно, не знали братья ни нужды, ни горя; не знали они, правда, и роскоши, да объ этомъ, признаться, и не тужили.

Братья жили въ лѣсу съ малыхъ лѣтъ; поэтому они вовсе не знали, есть-ли на свѣтѣ люди, кромѣ ихъ. Полагали, что есть, но какъ живутъ эти люди, они не знали, и совсѣмъ даже не думали объ этомъ.

Только однажды пошли три брата на охоту, и повстрѣчался имъ медвѣдь. Видятъ: шуба у мишки знатная. Отчего молъ и не убить звѣря. Медвѣдь на утекъ, братья за нимъ, и гнали его этакимъ манеромъ чуть не весь день: не дается, проклятый, хоть что хошь. Наконецъ дошли они до высокой горы; медвѣдь на гору и скрылся въ лѣсу, потому что гора эта вся была лѣсомъ поросши. Видятъ братья: гнать за нимъ въ гору — силъ не хватитъ—уставши очень были. Потужили они, подосадовали, что звѣря упустили, однако дѣлать нечего; пора уже и домой воротаться, потому что время то уже было вечернее.

Только хотѣли братья домой идти, а ни одинъ не знаетъ, въ какую сторону повернуть слѣдуетъ. Заблудили они, цѣлый день за медвѣдемъ бѣгавши. Подумали братья, погадали, и посыла-

ютъ они Ивана на эту самую гору, чтобы онъ, стало быть, взобрался на верхъ и высмотрѣлъ дорогу, потому сверху-то оно виднѣй. Иванъ не отказывается, идетъ онъ на гору высокую, и черезъ минуту уже скрылся въ лѣсу.

Только ждутъ, пождутъ братья, а Иванъ все не возвращается. Стали братья безпокоиться, не случилось ли съ нимъ бѣды какой, и посылаютъ Степана на гору брата отыскать, и дорогу высмотрѣть. А Демьянъ внизу остается. Ждетъ онъ часъ, ждетъ другой: нѣтъ братьевъ. Испугался Демьянъ и полезъ самъ на гору.

Взобрался онъ на самый верхъ: нѣтъ братьевъ. Ужь онъ и кричалъ, и звалъ ихъ: нѣтъ, какъ въ воду канули. Заплакалъ тутъ Демьянъ, и полезъ на дерево, чтобы высмотрѣть себѣ путь домой. Глянулъ сверху, и видитъ онъ чудное дѣло. Скоро за горой лѣсъ кончается, и дальше идетъ обширная равнина, и не видать ей ни конца, ни краю. А на той равнинѣ стоятъ нѣсколько селъ и деревень; видны пашни и луга; на лугахъ скотъ пасется, по дорогамъ возы ѣдутъ и люди идутъ. И видитъ Демьянъ людей этихъ множество. А вдали еле виднѣется городъ съ домами бѣлокаменными, трехъэтажными, съ высокими церквями, и солнце ярко свѣтитъ на

ихъ золочоныхъ куполахъ. Вотъ что увидѣлъ Демьянъ съ вершины дерева. Никогда онъ не думалъ, чтобы людей было такое множество, чтобъ было столько селъ и деревенъ, никогда не видалъ такихъ красивыхъ, бѣлыхъ домовъ и златоглавыхъ церквей. Все это его очень удивило, и онъ смотрѣлъ до тѣхъ поръ, пока солнце не зашло и не стало смеркаться.

„Чудное дѣло!“ — проговорилъ онъ.

„Вправду чудное“ — отозвался кто-то съ другого дерева.

„Ей Богу чудное!“ сказалъ кто-то съ третьяго дерева.

Демьянъ глядь: а это его братья на деревьяхъ сидятъ. Оказалось, что они такъ засмотрѣлись, что и не слыхали, какъ онъ кричалъ и звалъ ихъ. Обрадовались братья, и пошли домой, потому что сверху они хорошо разсмотрѣли дорогу.

Идутъ братья, и промежъ себя разговариваютъ о томъ, что видѣли съ горы.

„Вотъ, братцы, говоритъ Иванъ, вотъ гдѣ люди должно быть живутъ, какъ въ раю. Много ихъ, всякую работу они осилятъ. Лѣсъ-ли вырубить, болото-ли осушить, дорогу-ли проложить, палаты-ли бѣлокаменныя выстроить — все они

могутъ, потому что много ихъ вмѣстѣ живетъ и силы у нихъ много. А такъ, какъ мы живемъ вчетверемъ — что мы можемъ сдѣлать? Ничего. И должны мы жить мало чѣмъ лучше медвѣдя какого. Ей Богу правда. Опять же, въ случаѣ болѣзни какой: ихъ много и здоровые у нихъ всегда найдутся; а у насъ, помните, какъ меня медвѣдь помялъ, а братъ Лука лихорадкой захворалъ — вѣдь чуть мы о ту пору съ голоду не пропали. Да что тутъ говорить: не въ примѣръ лучше, когда народу много вмѣстѣ живетъ; и веселѣе, да и довольство больше.“

—А что, братцы, говоритъ Степанъ, не уйти ли намъ изъ лѣсу, людей посмотрѣть и себя показать? А, вѣдь какъ мы за живемъ то! Какъ сыръ въ маслѣ кататься станемъ. Будетъ, пожили въ лѣсу.—

—„А и то уйдемъ,“ согласились братья.

Пришли они домой, разсказали младшему брату все, что видѣли, и порѣшили на другой же день уйти изъ лѣсу.

Сказано — сдѣлано. Одѣлись они въ одежу получше, взяли съ собой провизіи на нѣсколько дней, поклонились на всѣ четыре стороны и пошли изъ лѣсу родимаго. А черезъ два дня уже выбрались на ровное мѣсто, и шли по дорогѣ

проселочной; по обѣ стороны у нихъ шумѣла золотистая рожь, и на сердцѣ у братьевъ было такъ свѣтло и радостно.

Только слышатъ вдругъ стукъ колесъ. Ѣдетъ телѣжка убогая, запряженая лошаденкой дрянненькой, а на телѣжкѣ сидитъ мужичекъ, худой, блѣдный, оборванный.

„Здравствуй, добрый человѣкъ,“ говорятъ братья.

„Здравствуйте, отвѣчаетъ, откуда Богъ несетъ?“—

Разсказали ему братья, откуда они и зачѣмъ идутъ. Покачалъ бородой мужичекъ и говоритъ:

„Напрасно, родимые, напрасно. Сидѣли бы себѣ въ лѣсу; благо ни баринъ, ни становой не знали. Натерпитесь вы горя!“—

Испугались братья:

„Да ты, дѣдушка, скажи толкомъ: отчего бы намъ сподручнѣе въ лѣсу оставаться?

„А что жь тамъ людей то пугать. — Нѣкогда мнѣ съ вами, родимые, толковать. А только говорю вамъ: вернитесь въ лѣсъ. Лучше будетъ.“

Съ тѣмъ и уѣхалъ старикъ. А братья остановились, и стали толковать: правду ли сказалъ старикъ, или совралъ. Думали думали, и порѣ-

шили, что должно быть совралъ, потому что съ чего бы тутъ дурно было жить? Земли много, народу много; да притомъ кабы дурно было жить, такъ развѣ строили бы люди такія палаты, что давеча съ горы видны были. Нѣтъ: вѣрно совралъ старикъ.

Пошли братья дальше. Видятъ идетъ странникъ и поетъ онъ пѣсню, да жалобную такую, братья стали слушать:

Я лугами иду; вѣтеръ свищетъ въ лугахъ:
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькій, холодно.
Я хлѣбами иду—что вы тощи хлѣба?
Съ холоду, странничекъ, съ холоду,
Съ холоду, родименькій, съ холоду.
Я стадами иду—что скотинка слаба?
Съ голоду, странничекъ, съ голоду;
Съ голоду, родименькій, съ голоду.
Я въ деревню: мужикъ—ты тепло ли живешь?
Холодно, странничекъ, холодно;
Холодно, родименькій, холодно.
Я въ другую—мужикъ, хорошо ли ѣшь-пьешь?
Голодно, странничекъ, голодно;
Голодно, родименькій, голодно.

Ужь я въ третью: мужикъ, что ты бабу бьешь?
Съ холоду, странничекъ, съ холоду;
Съ холоду, родименькій, съ холоду.
Я въ четверту: мужикъ, что въ кабакъ ты идешь?
Съ голоду, родименькій, съ голоду;
Съ голоду, странничекъ, съ голоду.
Я всю Русь исходилъ: воетъ стонетъ мужикъ;
Съ холоду, стонетъ онъ, съ холоду;
Съ голоду, воетъ онъ, съ голоду.

Прошелъ мимо странникъ; а братья все стояли, и все слышалась имъ пѣсня заунывная.

„А что, братцы, такихъ пѣсень, нужно думать, не поютъ тамъ, гдѣ живется хорошо. Видно правду сказалъ давеча старикъ?“

—„Видно не совралъ,“ сказалъ Степанъ — „Что же дѣлать теперь?“ Спросилъ третій братъ.

—„Искать, гдѣ лучше“—сказалъ четвертый.

И порѣшили братья идти искать, гдѣ жить хорошо. Одному идти на Сѣверъ, другому на Югъ, третьему на Востокъ, четвертому на Западъ. А потомъ сойтись опять вмѣстѣ, и сообща отправиться туда, гдѣ лучше. Попрощались братья и разошлись.

I.

НА СѢВЕРѢ.

Пошелъ Иванъ старшій братъ къ Сѣверу, и скоро подходитъ къ деревнѣ. Видитъ: въ полѣ работаютъ мужики и бабы. Солнце палитъ, потъ съ нихъ градомъ льется... А промежъ нихъ ходитъ баринъ, въ шляпѣ соломенной, въ платьѣ нѣмецкомъ, съ палочкой въ рукахъ. Ходитъ онъ и ничего-то самъ не дѣлаетъ, а только знай на мужиковъ покрикиваетъ. А потомъ въ скорости говоритъ: „Фу, какъ жарко въ полѣ; я даже измучился," сѣлъ баринъ въ колясочку и уѣхалъ.

Подходитъ Иванъ къ мужикамъ и спрашиваетъ:

„Скажите, господа почтенные, кто это сейчасъ уѣхалъ?"

„А, это, отвѣчаютъ ему, нашъ баринъ".—

„Баринъ? Такъ-съ. А почему же, позвольте спросить, вы вотъ работаете, а онъ и тутъ то

ничего не дѣлалъ, а теперь въ коляскѣ ѣдетъ? И одѣтъ онъ куда лучше васъ. И нѣжный какой: жарко, вишь, ему стало ничего не дѣлать. Не бось вамъ то не жарче работать? Скажите мнѣ, господа крестьяне, откуда ему льгота такая? Любите ли вы очень его или другое что?“ —

Сначала крестьяне на такія рѣчи Ивана только смѣялись; думали: шутки шутитъ человѣкъ. Но потомъ объяснилъ имъ Иванъ, что онъ весь вѣкъ въ лѣсу прожилъ, и никакихъ ихныхъ порядковъ не знаетъ.

Тогда мужики стали объяснять ему:

„Баринъ, вишь ты, вотъ отчего льготою пользуется: вся эта земля — ему принадлежитъ. А у насъ своей земли мало. Вотъ и идетъ мужикъ къ барину и нанимается у него работать; за свою работу онъ получаетъ не много, а урожай то весь достается барину. И выходитъ, что рабочимъ баринъ заплотитъ всѣмъ вмѣстѣ, примѣрно тысячу руб. А баринъ за эту же пшеницу или рожъ, что мужики эти посѣяли, возростили и сжали, отъ купцовъ возьметъ — двѣ или три тысячи. Вотъ ему значитъ и барышъ. Палецъ о палецъ не ударилъ, а тысячу либо двѣ, глядишь и поймалъ. Понимаешь? Да въ другомъ мѣстѣ еще, да въ третьемъ, потому

что у него земли много. Такъ у барина въ карманѣ Богъ вѣсть сколько тысячъ собирается, хоть онъ и ничего не дѣлаетъ. А бываетъ, что мужикъ беретъ у барина землю изъ полу; опять баринъ ничего не дѣлаетъ, а получаетъ половину того что заработалъ мужикъ. А мужиковъ то много. И баринъ получаетъ столько ровно же, сколько они всѣ вмѣстѣ. Вотъ онъ отчего можетъ ничего не дѣлать, вотъ откуда его платье хорошее, вотъ отчего онъ и нѣжится.“ —

Слушалъ, слушалъ Иванъ, да и говоритъ:

„Значитъ вся причина въ томъ, что земля принадлежитъ барину. Только, ребята, вѣдь это неправда. Земля божья, а не помѣщичья, все одно, какъ вода, воздухъ, солнце, или звѣзды. Если я скажу вамъ, что солнце — мое, будете вы мнѣ деньги платить за то, что оно свѣтитъ? Вѣдь не будете. Зачѣмъ же вы платите за землю?“

—Мы братъ, говорятъ мужики, и безъ тебя это знаемъ. Да вѣдь если мы не станемъ платить денегъ помѣщику, или вздумаемъ на его землѣ хлѣбъ сѣять самовольно, такъ прійдутъ солдаты съ ружьями да пушками, начнутъ они стрѣлять, да колоть, да грабить насъ,—такъ поневолѣ покоришься“...

Тутъ подошелъ управляющій, и прогналъ Ивана чтобы онъ стало быть не мѣшалъ работать.

Пошелъ Иванъ въ самую деревню. Бѣдность тамъ такая, страсть. Избы худыя, еле держатся. Хозяйство — ни кола, ни двора. Вчуже сердце ноетъ. Въ избахъ и того хуже: грязь, вонь, ребятишки плачутъ, ѣсть просятъ... Заплакалъ даже Иванъ съ непривычки то. А около деревни видитъ онъ усадьбу помѣщичью: каменный двухъэтажный домъ, крыша желѣзная, зеленой краской выкрашена; балконъ чугунный. Вокругъ дома цвѣтникъ съ рѣдкими цвѣтами. При домѣ постройки всякія, богатѣйшее хозяйство: тутъ и лошади, и свиньи и птица всякая. А на балконѣ сидитъ самъ помѣщикъ въ халатѣ, куритъ онъ трубку, и кофеемъ запиваетъ.

Досадно стало Ивану, и говоритъ онъ барину, по своей простотѣ:

„Баринъ, скажи ты мнѣ на милость, съ чего это мужики такъ бѣдно живутъ?“

—Глянулъ на него баринъ такъ сердито и отвѣчаетъ: „пьяницы и лѣнтяи твои мужики. Кабы работалибъ, такъ не жили бы въ бѣдности.“

„Такъ-ли, баринъ? Почему же ты ничего не

дѣлаешь, а у тебя вишь какое хозяйство. Мужики то вонъ въ полѣ работаютъ, а ты кофеи распиваешь. Не отъ лѣности бѣденъ мужикъ, нѣтъ, баринъ; а оттого, что все, что онъ ни выработаетъ — ты у него отнимаешь. Сколько хошь тутъ работай, а изъ бѣдности не выбьешься. Вѣдь не ладно это, баринъ!“

Иванъ говорилъ это не для того, чтобы обидѣть барина; онъ думалъ, по своей простотѣ, усовѣстить барина. Не зналъ еще Иванъ, что совѣсть у богатаго человѣка, какъ сталь закаленая: ничѣмъ ее не проймешь. Сказалъ онъ это отъ добраго сердца, а баринъ осерчалъ:

„Какъ ты смѣешь, закричалъ, мужицкая харя, мнѣ такія дерзости говорить. Да я тебя, сукинъ сынъ, бунтовщикъ, знаешь куды за это! Эй, Ванька, Мишка! Сведите этого дурака къ становому: пусть онъ его вѣжливости научитъ.“ Повели Ивана къ становому, а помѣщикъ долго еще не могъ успокоиться, и все говорилъ:

„Какой народъ, господи, какой народъ! Звѣри дикіе! Чашку кофею не дадутъ спокойно выпить!“

Поучилъ становой Ивана знатно; всыпалъ ему горячихъ, сколько Богъ на душу положилъ. Самъ бьетъ, да приговариваетъ:

„Не будь дерзокъ, мерзавецъ; не смѣй ничего говорить, кто старше тебя. Будь смиренъ передъ богатымъ человѣкомъ. Помни, дуракъ, разъ на всегда: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись. Знай законъ, знай порядокъ.“ —Долго онъ колотилъ Ивана, да все приговаривалъ. Понялъ наконецъ Иванъ, что законъ въ томъ состоитъ, чтобъ богатый надъ бѣднымъ куражился, а бѣдный чтобъ все терпѣлъ, все молчалъ, да еще бы и въ ноги кланялся.

Выпустилъ наконецъ станового душу Ивана на покоянье, и пустился Иванъ изъ той деревни безъ оглядки: „Тутъ, думаетъ, совсѣмъ шкуру со спины стянутъ,“ —и дошелъ въ скорости до другой деревни. Однако видитъ опять и здѣсь тоже самое: опять крестьяне работаютъ и живутъ въ бѣдности, а помѣщикъ не дѣлаетъ ничего, и въ богатствѣ живетъ. Пошелъ онъ дальше. Идетъ онъ такъ еще нѣсколько времени, усталъ, захотѣлъ ѣсть; „вотъ бы, думаетъ, отдохнуть хорошо теперь,“ и видитъ у дороги трактиръ. Видитъ, входятъ туда прохожіе, и проѣзжіе ѣдятъ, чай пьютъ... Зашелъ и Иванъ.

„Дай мнѣ, говоритъ онъ хозяину, водки, да поѣсть чего нибудь.“

„А деньги-то есть у тебя?“

„Деньги? Нѣтъ, признаться.“

Засмѣялся трактирщикъ:

„Такъ ты что безъ денегъ хочешь? Ловко, братъ; только у насъ этого не водится. Ты вотъ что сдѣлай: продай мнѣ свой полушубокъ, а тамъ на эти деньги уже и ѣшь и пей. Я бы рубликъ далъ, куда ни шло!“ А у Ивана полушубокъ изъ соболей былъ сдѣланъ: самъ въ лѣсу наловилъ; и стоилъ этотъ полушубокъ не рубль серебра, только Иванъ ничего такого не зналъ, по своей неопытности. Онъ и водку-то по случаю узналъ: на дорогѣ прохожій разъ угостилъ.

„Ладно, говоритъ, рубль такъ рубль“ — скинулъ онъ полушубокъ, взялъ рубль... Трактирщикъ даже ахнулъ: „вотъ, думаетъ, дурака то господь послалъ то. Даже совѣстно ему стало, и поставилъ онъ Ивану полуштофъ даромъ.

Сидитъ Иванъ, водку пьетъ, закуской закусываетъ. А тутъ же мужичонка оборванный сидитъ: ничего не ѣстъ, не пьетъ, а только на другихъ поглядываетъ. А самому, видно, тоже брюхо подвело. Замѣтилъ его Иванъ, и говоритъ:

„Дядя, а дядя?“

„Что тебѣ?“ отозвался мужикъ.

— „Не хочешь ли выпить да закусить малость? Вдвоемъ-то оно веселѣй будетъ.“

Выпилъ мужикъ, закусилъ, и стали они съ Иваномъ бѣседу вести. Ну сперва, какъ водится, обзнакомились, объ имени-отчествѣ справились; потомъ спрашиваетъ мужикъ-то, откуда Иванъ, и куда идетъ, и зачѣмъ. Отвѣчаетъ Иванъ, что, молъ, такъ и такъ, иду изъ лѣсу, иду искать гдѣ жить лучше; что, молъ, братья мои пошли, одинъ на Югъ, другой на Западъ, третій на Востокъ, а мнѣ, молъ, досталось на Сѣверъ идти... Слушаетъ его мужикъ, и такъ-то ли заливается, хохочетъ:

„Ахъ и потѣшилъ же ты меня Иванъ, ей Богу право! Ну и чудаки! Впрямъ изъ лѣсу. Слушай другъ: иди ты не то что на Югъ, а куда хочешь, все едино: не сыскать тебѣ такого мѣста, гдѣ бъ мужикъ хорошо жилъ! Повѣрь мнѣ — я человѣкъ бывалый. И разсуди ты самъ: съ чего это мужику жить хорошо? Ну самъ разсуди:“

— „Да съ чего же имъ и не жить?“, Говоритъ Иванъ.

— „Фу ты, дура — братецъ ты мой! Какое ты слово неразумное сказалъ. Разсуди. Первое дѣло — есть у мужика земля?“

— „Я не знаю.“

„Не знаешь? Такъ я тебѣ скажу: нѣтъ ее, землицы-то, нѣтъ. Есть, да самая малость, да и земля то дрянная, самая бросовая. Вотъ что! Ты, я вижу, ничего не знаешь, такъ я тебѣ скажу. Были мы прежде у помѣщиковъ, крѣпостные были, понимаешь? Принадлежали имъ и душой и тѣломъ..... Такъ бывало, сукинъ сынъ и говоритъ: у меня, молъ, сто или тамъ пятьсотъ душъ. А у него то и своя душа уже давно чорту продана — ей Богу! Ну такъ вотъ въ 61 году, 19 февраля, освободилъ насъ царь... Ты, поди, и того не знаешь, что такое царь? Царь, братецъ ты мой, это начальникъ надо всей землей; выше его — никого нѣтъ; что хочетъ, то и дѣлаетъ, и никакой законъ для него не писанъ“.....

— „Да откуда же онъ взялся? Выбрали вы его, что ли?“

— „И, какое выбрали?. Просто родился онъ отъ отца своего. Отецъ былъ царь, ну и онъ царь.“

— „Однако, чудные у васъ порядки, вижу!“

„Чудные, братъ, вѣрно! Только не въ этомъ самая чудность состоитъ. А ты слушай дальше. Бывши крѣпостными, терпѣли мы отъ господъ

муку ужасную, и была у насъ одна надежда— на царя. Какъ на каменную гору надѣялись! Думаемъ, авось онъ, батюшка, сжалится, да освободитъ отъ мукй, отъ этой, да отдастъ намъ нашу кровную землю..... И чтожь ты думаешь? Вѣдь освободилъ..... Да такъ освободилъ, что и врагу своему не пожелаю—вотъ какъ. Первое дѣло: назначили изъ нашихъ же помѣщиковъ, изъ нашихъ злодѣевъ, слышь ты, назначили мировыхъ посредниковъ, чтобы они, стало быть, разсудили, какія земли намъ должны отойти, какія помѣщикамъ остаться. И разсудили: надавали намъ песку, камню, болота..... А землю давали намъ не даромъ, а за деньги, и большія деньги. Почесть вездѣ — сама земля того не стоитъ, что съ насъ взяли. А коли мужики не соглашались, мировые эти посредники сейчасъ ведутъ солдатъ, начинаютъ стрѣлять изъ ружей, пушекъ... бѣда: хочешь, не хочешь, а долженъ брать эту землю, хошь бы она гроша не стоила.“

Выпили они еще по стаканчику. Иванъ и спрашиваетъ:

„Ну а коли помѣщикъ не соглашался дать вамъ землю, такъ на него солдатъ посылали?“

—„Что ты! Какъ можно; никогда не посылали.“

— „Такъ это стало быть все для выгоды господъ дѣлалось?“

„Для нихъ, все для нихъ? Теперь слушай дальше. Надѣлили это они насъ землей, освободили. Стали мы свободны; иди, значитъ, куда хошь: хоть въ острогъ, хоть въ Сибирь, хоть въ могилу. Всюду можешь. Стали мы жить по новому. Не ладно выходитъ. Земли мало, земля дрянная, ничего не родитъ. А податей стало куда больше противъ прежняго: за одну землю сколько выкупу,—да подушныя вчетверо больше стали! Выходитъ, что опять нужно къ тому же помѣщику идти, наниматься у него, потому что деньги нужно же откуда нибудь взять. Опять же мужику нуженъ и хлѣбъ, и сѣно и дрова... А пашни своей мало, лугу и того меньше, а лѣсу и вовсе нѣтъ. Идешь къ помѣщику, и берешь у него землю изъ полу, а то въ аренду. И попали мы въ кабалу хуже прежняго. Что ни сдѣлай, сейчасъ штрафъ. Такъ-то: прежде дубьемъ, а нынѣ рублемъ. Эхъ — жисть наша, прости Господи!“

Выпили они еще. Помолчали, а потомъ мужикъ снова заговорилъ.

„Такъ видишь, милый человѣкъ, что не съ чего мужику жить хорошо. Одни подати: годъ

отъ году больше. А нѣтъ денегъ — послѣднюю корову продадутъ за недоимку. Да бить еще станутъ. А чуть что, сейчасъ солдаты: стрѣляютъ, убиваютъ... Бѣда!“

— „Скажи мнѣ еще, дядя, говоритъ Иванъ, откуда эти солдаты берутся?“

— „Да то-то, милый человѣкъ, изъ насъ же, изъ насъ.....“

„Какъ изъ васъ?“

— „Да изъ крестьянъ больше. Берутъ нашихъ сыновей, братьевъ; обучатъ ихъ военному дѣлу, да потомъ на насъ и посылаютъ. И бьютъ они до смерти своихъ отцовъ да братьевъ. Грѣха одного сколько?“

„Ну, чудные ваши порядки. Сами себя, значитъ, убиваете?“

— „Сами себя, родной, сами. Вотъ другой не повѣритъ, а правда: сами себя.“

Пошелъ Иванъ дальше и видитъ: правду ему сказалъ мужикъ, какъ есть правду. Много онъ выходилъ селъ и городовъ—вездѣ мужику да рабочему горе. Зло даже взяло Ивана, и задумалъ уже онъ назадъ ворочаться, какъ случилось ему напослѣдокъ зайти въ одну деревеньку. Подходитъ онъ къ ней, видитъ: ѣдутъ двое на телѣгѣ и такъ то ли горячо разгова-

ривают. Лошадь идетъ шагомъ; Иванъ скоро догналъ телѣгу и слышитъ разговоръ.

—„Такъ ты, Никита Ивановичъ, держи слово то: торопи ихъ взносомъ податей, чтобъ никакъ не успѣли справиться. И скотъ ихній прежде всего въ продажу пускай; а я, значитъ, тутъ какъ тутъ, и куплю скотъ за безцѣнокъ. Хе-хе-хе ей Богу ловко! А ужь тебя, Никита Иванычъ, я не забуду: твои 10 процентовъ."

—„Ладно, ладно; что пристаешь? Сказалъ — значитъ сдѣлаю," отвѣчаетъ другой.

Иванъ обогналъ телѣгу, и пришелъ въ деревню. Встрѣчаетъ тутъ мужика:

„А что, спрашиваетъ его, скажи мнѣ, кто это вонъ въ телѣгѣ ѣдетъ?"

—„Это, говоритъ мужикъ, это нашъ старшина ѣдетъ, а съ нимъ мясникъ изъ города." Догадался Иванъ въ чемъ дѣло: „Стойте, думаетъ, кровопійцы, я васъ выведу на свѣжую воду!"

Пріѣзжаетъ и старшина съ мясникомъ. Мясникъ въ избу пошелъ, а старшина идетъ и сходъ собираетъ. Собрались мужички: „Что такое?" —Начинаетъ старшина деньги съ нихъ требовать—подати. Мужики отвѣчаютъ:

„Повремени малость, Никита Ивановичъ, дай

хлѣбъ продать. Тогда сполна уплатимъ“ — старшина артачится:

„Нѣтъ, говоритъ, не могу я временить ни одной секунды. Я самъ человѣкъ подневольный. Коли у васъ денегъ нѣтъ, я скотъ буду описывать!“

— „Бога въ тебѣ нѣтъ, Никита Иванычъ; что ты насъ въ конецъ разорить хочешь? Погоди малость. Внесемъ все, какъ слѣдуетъ.“

„Разговаривай больше!“ крикнулъ Никита Иванычъ, и началъ описывать скотъ. А мясникъ сейчасъ явился:

„Что, говоритъ, скотинку продавать изволите?“

— „Продаю, говоритъ старшина, а что?“

„Да купилъ бы, коли по цѣнѣ.“

Говорятъ это, и виду не показываютъ, что уже раньше сговорились.

— „Что жь, покупай!“ — отвѣчаетъ старшина. И начинаетъ онъ оцѣнивать скотину: какая корова стоитъ 30 рублей, онъ ее по 3 пускаетъ... Страсть какая торговля пошла! Не вытерпѣлъ тутъ Иванъ, выступилъ впередъ, и говоритъ:

„Послушайте, православные, что при мнѣ говорили эти мошенники, старшина вашъ съ мясникомъ.“ — И разсказалъ имъ все, какъ они

уговаривались, и какъ мясникъ обѣщалъ барышами подѣлиться.

Батюшки мои! Какъ сказалъ онъ все это, крѣпко разсердились крестьяне, стали ругать старшину жидомъ и міроѣдомъ; тотъ огрызается; слово за слово, и начали крестьяне колотить старшину: „не продавай, молъ, міра.“—Взялся и Иванъ за Никиту Ивановича, и вытаскалъ ему мало-мало не всю бороду..... Наконецъ вырвался старшина, вскочилъ на лошадь и подралъ изъ деревни. Хотѣли было мужики послѣ того и за мясника взяться, да куда тебѣ: его уже и слѣдъ простылъ.

„Зачѣмъ вы такого мошенника держите у себя старшиной?“—Спрашиваетъ Иванъ.

—„Да кто его держитъ?“

„Да какъ же: Вѣдь вы его выбрали?“

—Эхъ, милый человѣкъ, нешто мы его выбирали: самъ выбрался!“

„Какъ такъ—самъ?“

—„Да такъ: на прошлыхъ выборахъ мы было хотѣли другого на его мѣсто, а онъ, ракалія, узналъ про это, да и собралъ на сходъ что ни есть однихъ своихъ благопріятелей, такихъ же мошенниковъ, какъ самъ..... Ну и сдѣлался опять старшиной! Да еще смѣется надъ

нами: дурачье вы, говоритъ, вамъ ли спихнуть меня; вѣкъ, говоритъ, буду я надъ вами начальникомъ. И точно: подали мы на него жалобу....."

—„Да зачѣмъ же жалобу? Вы бы прогнали его, вотъ и вся недолга!"

„Нельзя, милый человѣкъ, — законъ. Сами мы, безъ закону,—ни-ни; у насъ на этотъ счетъ строго: то есть, вотъ плюнуть — и то, кажись, безъ закону нельзя! А ты говоришь—старшину прогнать... Нужно жалобу писать. Мы и написали, посреднику отдали. Только что же? Старшина, Никита Ивановъ то есть, тоже не дуракъ и съ посредникомъ другъ-пріятель: какъ праздникъ какой или имянины, онъ сейчасъ ѣдетъ, поздравляетъ, подарочекъ везетъ; да супругѣ посредника подарочекъ, да дѣточекъ его одаритъ... Вотъ посредникъ въ немъ и души нечаетъ. Прочиталъ это нашу жалобу, пріѣхалъ, обругалъ весь міръ, да съ тѣмъ и уѣхалъ. Мы другую жалобу—уже значитъ, въ съѣздъ, какъ по закону слѣдуетъ. А въ съѣздѣ сидитъ опять нашъ посредникъ, да его друзья разные, дворяне знакомые: не дали намъ и здѣсь никакого удовлетворенія. Мы — третью жалобу, опять по закону, въ губернское присутствіе. А въ при-

сутствіи опять тоже родственники да знакомые тѣхъ же мировыхъ посредниковъ, что нашу жалобу въ съѣздѣ не приняли. Ну поэтому и въ присутствіи ничего для насъ не сдѣлали. Только и вышло, что пріѣзжаетъ къ намъ посредникъ: „Вы, говоритъ, такіе-сякіе, бунтовать вздумали!“ Пересѣкъ чуть не всю деревню: „Коли, говоритъ, не уйметесь — не миновать вамъ, шельмецамъ, Сибири!“

Подумали мы, подумали и послали ходока въ Москву къ самому лучшему адвокату, спросить, значитъ, что намъ дѣлать? Разсмотрѣлъ это адвокатъ наше дѣло, подумалъ, въ законы посмотрѣлъ: „Ничего, говоритъ, ребята, сдѣлать для васъ нельзя. Противъ васъ законъ. Законъ, говоритъ, такъ устроенъ, что начальство все можетъ сдѣлать, что ни захочетъ, а мужикъ по закону все долженъ терпѣть да молчать.“ — Объяснилъ онъ намъ весь законъ; видимъ: ничего не подѣлаешь. Такъ мы съ тѣхъ поръ и рукой махнули!“

„Такъ вы безъ закона его прогоните, говоритъ Иванъ, чорта ли вамъ въ законѣ!“

— „Ну, тогда прійдутъ солдаты, начнутъ стрѣлять, да грабить.....“

—„Да вѣдь васъ, мужиковъ, во сто разъ больше, чѣмъ солдатъ. Чего вы боитесь?“

„Такъ то оно такъ, а все же... Кабы кто первый началъ, такъ и мы бы сложа руки не сидѣли. А начинать то боязно первымъ.....“

—„Эхъ вы, тряпки, ей Богу, а не мужики. Мало васъ бьютъ!“

На другой день пріѣхалъ становой съ понятыми. Старшина объявилъ ему, что мужики бунтуютъ, и что зачинщикъ, молъ, главный—Иванъ, прохожій. Ну становой сейчасъ захватилъ его, въ кандалы заковалъ, и посадилъ его въ острогъ. А черезъ мѣсяцъ стали судить, и присудили: за бунтъ—въ Сибирь.

НА ЮГѢ.

Второй братъ Степанъ пошелъ на Югъ. Много встрѣтилось ему на первыхъ порахъ непонятнаго, удивительнаго; много показалось ему глупымъ. И чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ больше сердился,

потому что вездѣ встрѣчалъ грабежъ богатыхъ и начальства, а мужики вездѣ повиновались безъ прекословія и терпѣливо сносили самый безсовѣстный грабежъ. Степану мужики казались ужасно глупыми: „Какъ, думалъ онъ, на каждаго богача приходится сотня бѣдняковъ, а они покоряются и терпятъ. Не глупо ли это?“. —Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему жалко, очень жалко было мужиковъ, потому что онъ видѣлъ, какъ ловко оплели ихъ богатые.

Однажды случилось ему зайти въ одно село. Видитъ: у волостного правленія собрался сходъ. Тутъ же въ толпѣ посредникъ съ золотой цѣпью на шеѣ, и кричитъ на крестьянъ во всю глотку: „Долго ль мнѣ еще возиться съ вами, такіе-сякіе! Четвертый годъ бьюсь, какъ рыба объ ледъ. Въ послѣдній разъ говорю, ребята, соглашайтесь, подпишите добровольное соглашеніе. На себя пеняйте, коли не подпишите: солдатъ призову.“

—Ну ужъ какъ хочешь, ваше высокоблагородіе, отвѣчаютъ мужики, а не подпишемъ мы соглашенія, хоть ты сюда всю армію приведи. Хорошо соглашеніе: съ ножемъ къ горлу пристадъ.“

Выругался еще разъ посредникъ, и съ тѣмъ уѣхалъ.

— „Что такое, православные, у васъ дѣлается?“, спрашиваетъ Степанъ. Мужики разсказываютъ ему, что вотъ, молъ, помѣщикъ далъ имъ надѣлъ во ста верстахъ отъ усадьбы, и хочетъ ихъ туда переселить. Землю отвелъ никуда негодную, въ степи безводной; вода въ колодцахъ тамъ гнилая и горькая. Поѣхали было туда нѣсколько семей, да мало не всѣ вымерли. Вотъ мужики и не соглашаются взять эту землю, а посредникъ хочетъ ихъ силой принудить. Выслушалъ ихъ Степанъ и говоритъ:

„Дрянь ваше дѣло, ребята! Что же вы будете дѣлать теперь?“

— „Да что тутъ подѣлаешь? Вишь какое дѣло: куда ни кинь — все клинъ. Коли теперь переселиться въ пустыню эту — смерть вѣрная, ни ѣсть, ни пить нечего. А не переселиться опять нельзя: посредникъ войска нагонитъ. Опять горе. Что ты съ солдатами подѣлаешь? Бѣда! Сами не знаемъ, что то будетъ.“

Любопытно показалось Степану посмотрѣть, что выйдетъ изъ этого, и потому онъ остался въ селѣ до поры до времени.

Только недѣли черезъ двѣ, какъ снѣгъ на

голову, явились въ деревню солдаты. Пришла ихъ цѣлая рота. Посредникъ тутъ же ѣдетъ на лошади. Собралъ онъ опять сходъ и спрашиваетъ:

— „Ну что, надумались? Согласны, или все нѣтъ?“

Молчатъ мужики, каждому своя жизнь дорога. Однако выходитъ изъ толпы мужикъ одинъ, Василій Косой прозывался и говоритъ:

„Ваше высокоблагородіе! Нешто мы стали бы зря начальству противиться? Нельзя намъ переселиться. Никакъ невозможно. Что же мы на голодную смерть пойдемъ. Самъ разсуди: нешто можно намъ взять песокъ да камни, да горькую воду? Намъ все едино, что съ голоду умрѣть, что отъ солдатъ. Не подпишемъ мы соглашенія, ваше высокоблагородіе.“

— „Ахъ ты бунтовщикъ, крикнулъ посредникъ, да я тебя за семь замковъ запрячу, на сажень въ землю вобью. Разсуждать вздумалъ еще! Сказано: подписывайте, и баста!“

— „Не подпишемъ. Никакъ невозможно.“

— „Да ты что за отвѣтчикъ выискался? Пусть міръ говоритъ.....“

— „За міръ отвѣчаю—не подпишемъ.“

„Не подпишемъ, загудѣла толпа, умремъ, а

не подпишемъ!“ — Нѣсколько голосовъ крикнуло въ разныхъ мѣстахъ: „Душегубъ, грабитель, помѣщичью руку держитъ, дворянское отродье...“

Взбеленился посредникъ, услыхавъ такія рѣчи грубыя.

„Ахъ вы такіе сякіе! Погодите же. Ребята, въ штыки ихъ!“, крикнулъ онъ солдатамъ.

Солдаты бросились на мужиковъ, вовсе не ждавшихъ такого нападенія. Вся толпа ударилась въ разсыпную.

— „Коли ихъ, сукиныхъ дѣтей!“ — Солдаты пустились въ догонку. За деревней лежало непроходимое болото. Туда погнали солдаты мужиковъ и приперли ихъ къ болоту. Забравшись по колѣно въ грязь, мужики не могли бѣжать дальше, а сзади ихъ кололи солдаты.

„Ребята, крикнулъ Степанъ, неужели вы дадите рѣзать себя, какъ бараны? Все одно смерть.“ И онъ бросился на солдатъ, выхватилъ у одного ружье изъ рукъ, и началъ колоть штыкомъ направо и налѣво. Крестьяне бросились за нимъ, вырывали у солдатъ ружья, тесали и били ихъ собственнымъ ихъ оружіемъ...

Завязалась битва. Молодой, статный солдатъ ударомъ штыка пропоролъ животъ старику крестьянину. Облился кровью старикъ, и повалился на

землю. Вдругъ онъ крикнулъ: „Ваня! ты ли это. Господи, отъ руки сына смерть принимаю. Будь ты проклятъ на вѣки. На отца руку поднялъ! Господи!“ Какъ окаменѣлый, блѣдный, неподвижный стоялъ солдатъ. Онъ убилъ своего отца... Слишкомъ поздно онъ узналъ его. Онъ бросился на трупъ, плакалъ, звалъ отца, но— напрасно: отецъ не откликался, онъ былъ мертвъ.

Вокругъ солдаты и крестьяне продолжали терзать другъ друга. Молодой солдатъ, поднялся, и тихо пошелъ, какъ будто отыскивая кого то, расталкивалъ толпу не обращая вниманія на удары... Одинъ крестьянинъ ударилъ его штыкомъ, солдатъ даже не обернулся... Еще ударъ—онъ все идетъ. Наконецъ онъ замѣтилъ посредника... Тихо подошелъ къ нему солдатъ и молча всадилъ ему въ грудь штыкъ своего ружья. Съ крикомъ повалился посредникъ, рядомъ съ нимъ упалъ на землю ослабѣвши отъ ранъ солдатъ.

Между тѣмъ крестьяне нападали съ такимъ ожесточеніемъ, что солдаты не выдержали. Они побѣжали, черезъ полъ часа ни одного солдата не было видно около деревни.

Крестьяне побѣдили. Но что въ томъ? Стонъ и плачь раздался въ деревнѣ. То плакали матери, жены, сестры и дочери убитыхъ и раненыхъ

крестьянъ... Точно также должны были скоро заплакать родные убитыхъ солдатъ.

— „Сколько крови, сколько слезъ! И изъ чего?“ думалъ Степанъ, „изъ за одного кровопійца помѣщика сотни крестьянъ и солдатъ убиваютъ другъ друга. Сынъ убиваетъ отца, братъ брата... Гдѣ же разумъ у народа? Не лучше ли этимъ солдатамъ вмѣстѣ съ крестьянами перебить своихъ притѣснителей, помѣщиковъ, посредниковъ, офицеровъ. Народъ, народъ, когда же опомнишься ты, когда перестанешь быть врагомъ самому себѣ, когда перестанешь быть рабомъ своихъ злодѣевъ!“

Только видитъ Степанъ, идетъ къ нему Василій Косой. Началъ Степанъ говорить ему:

„А что, Василій, какъ думаешь, еще войска нагонятъ?“

— „Знамо дѣло. Теперь поди весь полкъ пришлютъ. Да что и говорить: не сдобровать мужикамъ.“

— „Слушай, Василій, что я думаю. Не мало пришлось мнѣ по бѣлу свѣту походить, и видѣлъ я вездѣ житье крестьянское. Вездѣ, гдѣ ни ходилъ я, одна у мужика судьба. Вездѣ его обираютъ помѣщикъ, міроѣдъ, кулакъ, начальство. Вездѣ недовольны крестьяне и часто они бунтуютъ. Только ничего изъ этого не выходитъ,

потому что каждая деревня отдѣльно поднимается. Теперь вотъ вы бунтуете; на васъ пришлютъ полкъ солдатъ, и усмирятъ васъ; а завтра поднимутся сосѣдніе мужики, и на нихъ пошлютъ тотъ же полкъ; потомъ въ третьемъ мѣстѣ поднимутся, и опять тотъ же полкъ усмиритъ ихъ... А если бы во всѣхъ трехъ мѣстахъ сразу поднялись мужики, такъ ничего бы солдаты съ ними сдѣлать не могли. Растерялись бы они совсѣмъ и не знали бы, куда имъ идти, кого усмирять, когда со всѣхъ сторонъ бунтъ. А если бы вся Русь поднялась? Что тогда могло бы войско сдѣлать? Ничего. Такъ ли?“

—Такъ то такъ.....

„Ну такъ вотъ и слѣдуетъ мужикамъ сговориться и сразу подняться по всей землѣ. Тогда вышелъ бы толкъ. Тогда и солдаты драться бы не стали противъ своихъ...“

—„Да вѣдь какъ сдѣлать это? Легко сказать: всѣмъ сговоритбся.“

—„Да что же тутъ мудренаго? Обыкновенно, пошлемъ по волостямъ своихъ ходаковъ, чтобъ сговориться. А тѣ уже дальше своихъ ходаковъ пошлютъ... Вотъ тебѣ и все. А тамъ уже всѣмъ подняться не хитро: только время назначить. Какъ поднимутся всѣ — земли сейчасъ отъ помѣщиковъ отобрать, и деньги и имущество ихъ

тоже: все это крестьянами нажито. Всѣмъ, кто станетъ народу противиться — веревку на шею и конецъ. Начальство тоже по боку. Крестьяне и сами съумѣютъ управиться своими дѣлами."

— „Да вѣдь солдаты тоже прійдутъ усмирять и тогда."

— „Ну на всю землю, братъ, и солдатъ не хватитъ. Да имъ же можно вѣсточку отъ родныхъ дать, чтобы значитъ противъ своего брата не шли."

„Все это такъ, только наше ли дѣло порядки заводить? Это, братъ, царское дѣло..."

— „Такъ чего же онъ не заводитъ ихъ? Когда онъ своего дѣла не исполняетъ, коли насъ не защищаетъ, такъ чего же намъ ждать... Сколько еще вѣковъ мучиться? Коли царь не хочетъ либо не можетъ ничего сдѣлать, такъ видно самимъ за себя постоять слѣдуетъ. Срамъ это по моему: столько милльоновъ человѣкъ сами ничего сдѣлать не могутъ, а на одного надѣятся." Подумалъ, подумалъ Косой: „Вѣрно это, говоритъ, да нашимъ мужикамъ не втолкуешь вѣдь. Темнота такая что хоть и не пробуй."

И точно: когда они стали говорить мужикамъ, тѣ и слушать не хотятъ: „мы, говорятъ, васъ обоихъ начальству представимъ за такія рѣчи." Плюнулъ Степанъ:

„Оставайся, говоритъ, міръ честной, со своей глупостью, а я пойду погляжу, нѣтъ ли умнѣй васъ.“ — И ушелъ.

Пошелъ онъ по ближайшимъ деревнямъ и селамъ, и сталъ уговаривать мужиковъ помочь бунтующимъ; но мужики только смѣялись, либо ругались. А въ одномъ селѣ староста схватилъ его и представилъ становому. Заковалъ становой Степана въ кандалы и отправилъ въ острогъ, въ городъ.

Посадили его въ острогъ, а тамъ, уже полнымъ полно. И Василій Косой тамъ и еще съ полъ сотни мужиковъ... Разсказали Степану мужики, что въ скорости послѣ него пришелъ въ село полкъ солдатъ, наложили солдаты добро крестьянское на возы, связали и ихъ самихъ и тоже на возы положили: такъ и повезли на мѣсто переселенья. А зачинщиковъ вотъ въ острогъ забрали.....

Въ скорости назначили судъ надъ мужиками. Василія Косого и Степана присудили за бунтъ сослать въ Сибирь, и отправили по Владиміркѣ.

НА ВОСТОКѢ.

Пошелъ Демьянъ, третій братъ, на Востокъ; нѣсколько времени ходилъ онъ по деревнямъ, да не понравилась ему деревенская жизнь, не захотѣлъ онъ съ крестьянами поселиться, и пришелъ наконецъ, въ городъ. Видитъ: городъ большой, дома въ немъ каменные, двухъэтажные, трехъэтажные; улицы вымощены, фонарями освѣщены; лавки на каждомъ шагу, и лавки богатѣйшія: тутъ и золото и серебро, и шелки и бархатъ..... Просто всѣ глаза проглядишь, а все не насмотришься! На улицахъ да на площадяхъ стоятъ статуи чугунныя, а по улицамъ ѣздятъ дорогіе экипажи на тысячныхъ заводскихъ коняхъ, и ходятъ разодѣтые баре.

Обрадовался нашъ Демьянъ. „Вотъ, думаетъ, гдѣ заживемъ, посреди этакого богатства: рай, а не житье!“ Подходитъ онъ къ одному барину и спрашиваетъ:

„Скажи, баринъ, что мнѣ дѣлать, чтобы жить въ богатствѣ?“

— „Работай старательно,“ отвѣчаетъ баринъ.

„Ладно, думаетъ Демьянъ, работать намъ не привыкать стать!“ — И началъ онъ работать. Нанялся у одного хозяина; работалъ изо всей

мочи, старательно; и понятливъ былъ Демьянъ, надо правду сказать: что ни увидитъ, сейчасъ перейметъ. Даже хозяинъ диву дался: „Вотъ, говоритъ, 40 лѣтъ на свѣтѣ живу, а такого работника не видывалъ. Ей Богу!“ — Только приходитъ время къ разсчету, и получаетъ нашъ Демьянъ грошъ мѣдный денегъ.

— „Чтожъ такъ мало?“, спрашиваетъ.

— „Будетъ съ тебя,“ отвѣчаетъ хозяинъ. Показалъ ему и счетъ: столько то, молъ тебѣ платы слѣдуетъ, а столько то съ тебя: штрафу, да въ лавкѣ хозяйской забралъ на столько то, да то, да другое, да третье, и остается за всѣми вычетами — грошъ!

Взялъ Демьянъ этотъ грошъ, обругалъ хозяина, и ушелъ съ завода: „Не хочу, говоритъ, у Ирода этакого работать!“ Поступилъ онъ къ другому хозяину. Сталъ онъ еще пуще прежняго работать. Не нахвалится хозяинъ Демьяномъ. Но какъ дѣло дошло до разсчета, обсчиталъ его опять до послѣдней копѣйки. — „Что за диво?“ — думаетъ Демьянъ. Пошелъ онъ къ третьему хозяину — опять тоже самое..... И такимъ манеромъ обошелъ Демьянъ мало не весь городъ, работалъ все время, что лошадь добрая, и заработалъ три рубля денегъ! Чудеса да и только.

И видитъ Демьянъ, что не онъ одинъ такъ

мается. Вездѣ, на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ одинакова доля рабочихъ. Трудись какъ волъ, живи какъ собака—всѣмъ такая доля!

„Будь онъ проклятъ этотъ городъ," подумалъ онъ, и пошелъ въ другой городъ. Приходитъ, видитъ: городъ тоже хорошій. Началъ онъ работать, работалъ, работалъ, а толку нѣтъ: нѣтъ денегъ, хоть что хочешь. Словно будто законъ такой положенъ, чтобъ не быть денегъ у рабочаго. Ушолъ Демьянъ въ третій городъ.....

Много онъ этакъ мѣстовъ выходилъ, много работалъ, многимъ ремесламъ выучился, а денегъ не нажилъ ни копѣйки. „Откудажь, думаетъ, берутся богатые люди? Откуда они наживаютъ свои капиталы, земли, фабрики, дома? Неужели больше моего работали, или они можетъ ихъ нажили не трудомъ, а какъ нибудь иначе?" — Приходитъ онъ къ одному богатому человѣку и спрашиваетъ:

„Скажи мнѣ, богатый человѣкъ, откуда ты свое богатство нажилъ?"

—„Да сапожнымъ мастерствомъ занимался. Сперва одинъ работалъ, ну такъ тогда жилъ безбѣдно, только и богатства не было. А потомъ сталъ нанимать подмастерьевъ: сперва двухъ, потомъ больше и больше, до 50 человѣкъ дошелъ. Тогда дѣла шибко пошли....."

— „Да почему же они тогда только и пошли, когда ты подмастерьевъ нанялъ?“

— „Чудной ты человѣкъ. Извѣстно, подмастерье тебѣ выработаетъ на 500 рублей въ годъ, а ты ему заплотишь можетъ только 150 либо 200. А если онъ выработаетъ на 1000, такъ заплатишь ему 300 либо 400 рублей. А остальное хозяину, тебѣ же, идетъ. Понимаешь? У меня, напримѣръ, мастерская давала 30 тысячъ рублей, а платилъ я своимъ рабочимъ только тысячъ 10. Вотъ стало быть и имѣлъ 20 тысячъ чистаго доходу.“

— „Такъ, говоритъ Демьянъ, теперь понимаю. Стало быть богатство вотъ откуда идетъ: 100 человѣкъ работаетъ, а одинъ у нихъ отбираетъ все, что они выработали. Это хорошо.“

Многихъ богатыхъ такъ распрашивалъ Демьянъ, и увидѣлъ, что всѣ они нажились неправдою, грабежомъ бѣдныхъ людей. А у помѣщиковъ ихъ богатства появились еще болѣе несправедливо. Демьянъ спрашивалъ объ этомъ знающихъ людей, и знающіе люди разсказали ему.

„Было время давнее, когда не было на Руси помѣщиковъ, были вольные крестьяне и вся земля принадлежала имъ. Не было въ то время еще и царей.....

Потомъ нагрянули на Русь татары, покорили

ее и поставили надъ ней своего намѣстника, Великаго Князя Московскаго. И сталъ съ тѣхъ поръ Великій Князь Московскій Царемъ Русскимъ.

Было у этого царя войско, дружина; и назывались эти воины дворянами. Царь разослалъ этихъ дворянъ по деревнямъ, какъ теперь солдатъ посылаютъ, на постой. Крестьяне должны были содержать ихъ, давать имъ жилище, пищу и одежду; но дворяне въ то время еще не имѣли никакой власти надъ мужиками, и вся земля принадлежала крестьянамъ.

Потомъ цари московскіе подарили дворянамъ эти крестьянскія земли, чтобы пріобрѣсти дворянскую любовь. А потомъ случилось однажды, что царь Ѳедоръ Ивановичъ умеръ безъ наслѣдниковъ. Одинъ его бояринъ, Борисъ Годуновъ, вздумалъ сдѣлаться царемъ, а чтобы дворяне дали ему поддержку въ этомъ дѣлѣ, началъ угождать имъ и прикрѣпилъ крестьянъ, ввелъ крѣпостное право. Такимъ образомъ крестьяне вольные сдѣлались рабами. Помѣщики заставили ихъ работать на себя, отнимали у нихъ все выработанное, и богатѣли съ каждымъ днемъ. Вотъ откуда идетъ богатство дворянское: добыто оно тяжелымъ трудомъ ихъ рабовъ—мужиковъ. Теперь крестьянъ снова освободили, но земля ихъ все таки осталась за помѣщиками.

Идетъ этакъ Демьянъ и все распрашиваетъ. И доходитъ онъ наконецъ до деревни одной. Съ мужиковъ о ту пору подати собирали. Денегъ у мужиковъ не было. Ну извѣстно начальство сейчасъ же стало скотину да всякое имущество продавать... Обидно показалось это мужикамъ, не даютъ они своей скотины, уже даже за вилы взялись.

„Что это? Бунтъ?“, кричитъ становой.

„Но бунтъ, а скотины не дадимъ. Погоди, нока справимся; тогда сами отдадимъ деньги.“

Видитъ начальство, дѣло дрянь, и стали они усовѣщивать крестьянъ. Позвали и попа, чтобы и онъ тоже значитъ уговаривалъ.

„Православные христіане, говоритъ попъ,“ а самъ глаза къ небу воротитъ, „грѣхъ великій бунтовать и неповиноваться начальству.....“

А Демьянъ его спрашиваетъ:

— „А не грѣхъ обирать неимущихъ людей? Съ какой стати съ нихъ сдираютъ эти подати? Знаешь, батюшка, и съ вола только одну шкуру сдираютъ, а съ мужика по семи шкуръ деруть. Это не грѣхъ по твоему?“

Попъ опять глаза къ небу, гривой своей помохалъ, да и говоритъ: „О ты, грѣшникъ нераскаянный! Но вѣдаешь ты, неразумный, что сказано въ св. писаніи: воздадите убо Кесарево-

Кесареви. Деньги отъ царя отпускаются; стало быть мужикъ всѣ деньги, какія у него есть, долженъ опять царю отдавать."

—„А чтожь ты, батюшка, своихъ то денегъ царю не отдаешь? Вѣдь и у тебя чай деньги царскія?" Смѣшался попъ, покраснѣлъ и не знаетъ что сказать. А Демьянъ говоритъ опять:

—„Нешто мужику царскія деньги задаромъ достаются? Онъ трудится, хлѣбъ растетъ, а потомъ этотъ хлѣбъ продается. Вотъ какъ ему деньги достаются. Кабы царь ему даромъ деньги присылалъ, ну тогда точно царскія бы деньги были....."

Молчитъ попъ, бороду свою поглаживаетъ, а сказать противъ Демьяна ничего не можетъ.

—„Ловко, говорятъ мужики, ловко попа отдѣлалъ!" А становой сейчасъ кричитъ:

—„Ахъ ты бунтовщикъ, ты какъ смѣешь грубить духовному лицу? Ты знаешь, его посвящали, святымъ елеемъ мазали, а ты ему грубишь!"

—„Да по мнѣ, говоритъ Демьянъ, хоть бы его дегтемъ вымазали, не то что елеемъ."

—„Взять его, шельму!" —крикнулъ становой. Соцкіе бросились къ Демьяну; онъ бѣжать; такъ его соцкіе и не догнали.

Идетъ Демьянъ дальше и думаетъ:

„Вишь попъ говоритъ: царскія деньги..... Откуда жь ихъ царь то беретъ? Видно самъ дѣлаетъ, коли его деньги. Много же ему, сердечному работы: экую прорву денегъ надѣлать. Шутка-ли!“ — Идетъ онъ этакъ и видитъ: вдали горы синѣются, высокія горы, до облаковъ. „Пойду, думаетъ Демьянъ, на эти горы, посмотрю, что тамъ дѣлается.“ Идетъ, къ вечеру подходитъ къ самымъ горамъ, и видитъ, выстроенъ тамъ заводъ, и рабочихъ множество.

„Какой это заводъ?“, спрашиваетъ Демьянъ у одного рабочаго.

— „Это! Монетный дворъ называется: деньги тутъ дѣлаютъ. Вонъ вишь ты: тамъ подальше золото добывается. Потомъ его къ намъ привозятъ, а тутъ уже изъ него деньги дѣлаются, да царю въ Питеръ потомъ отсылаются.“

Обрадовался Демьянъ: „Вотъ, думаетъ, увижу откуда деньги у царя берутся.“

Распросилъ онъ рабочихъ, гдѣ что можно увидѣть, и пошолъ сперва на золотые пріиски. Приходитъ. Видитъ: между громадными горами лежитъ низкая, глубокая лощина; въ лощинѣ той рѣчка течетъ и затопляетъ ее. Вся лощина грязная, сырая, даже туманъ надъ ней носится. Спустился Демьянъ внизъ. Сырость охватила его,

точно въ болотѣ. Подъ ногами грязныя лужи, ноги вязнутъ чуть не поколѣно. И въ этой грязи копошатся сотни работниковъ. Худые, блѣдные, еле одѣтые, они копаютъ рвы, отводятъ воду ручья на землю, потомъ взбалтываютъ грязь, набираетъ ее пудъ цѣлый и тащитъ на машину; работаетъ машина — отмываетъ золото отъ грязи, вода стекаетъ внизъ вмѣстѣ съ грязью, а крупинки золота, остаются на машинѣ. А рабочій все таскаетъ грязь на машину. Стоя по колѣно въ грязи, цѣлый день нагнувшись, работаетъ онъ. Спина его наконецъ болитъ, ноги отекаютъ и пухнутъ отъ сырости. А надсмотрщикъ ходитъ и зорко подмѣчаетъ тѣхъ, кто отъ усталости начинаетъ работать медленнѣе: такихъ онъ подгоняетъ палкой или плетью. Много ударовъ достается рабочимъ за день!.....

На ночь усталые рабочіе идутъ въ свои избушки. Трудно выдумать жилище хуже этого. Они на половину вырыты въ мокрой землѣ, грязь снаружи постоянно стекаетъ во внутръ этихъ избушекъ... Тутъ ночуютъ рабочіе.

— Рѣдкій изъ рабочихъ не болѣетъ въ теченіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ, и чуть не половина вымираетъ за годъ. При разсчетѣ ихъ обсчитываютъ до чиста, такъ что они еще остаются часто должны хозяину; поэтому хозяинъ

задерживаетъ ихъ и заставляетъ работать и на слѣдующій годъ. Рабочій радъ бы бѣжать съ этого проклятаго мѣста; поэтому то хозяинъ и старается закабалить ихъ.

Добытое золото отправляется на монетный дворъ, и тамъ изъ него чеканется монета.

Пошолъ Демьянъ посмотрѣть, какъ она чеканится. Видитъ опять, и это дѣлаютъ рабочіе. Всю работу до послѣдней мелочи они дѣлаютъ.

Вотъ откуда берется золото и деньги. Тяжкимъ трудомъ рабочій, мужикъ, добываетъ ихъ. А когда деньги сдѣланы, ихъ отправляютъ въ Питеръ, въ казну. Все это увидѣлъ Демьянъ.

Пошолъ онъ дальше. Только попадается ему становой, тотъ самый, что съ мужиковъ въ деревнѣ подати сбиралъ. Узналъ онъ Демьяна.

„А, голубчикъ, говоритъ, попался! Соцкіе, держи его!“ Схватили его соцкіе.

—„Такъ ты народъ бунтовать! Паспортъ есть?“

„Нѣтъ паспорта.“

—„Такъ ты бродяга, да еще и бунтовщикъ! Вяжи его, ребята.“—Связали Демьяна и потащили въ острогъ. Стали его судить, и присудили, какъ безпаспортнаго и бунтовщика, сослать въ Сибирь, на поселеніе.

НА ЗАПАДѢ.

Пошолъ Лука, младшій братъ на Западъ. Долго ли онъ ходилъ, много ли мѣстъ выходилъ—не знаю. Знаю только, что горя крестьянскаго видѣлъ онъ достаточно. Видѣлъ онъ, какъ обираютъ господа да начальство трудящійся людъ; видѣлъ, какія притѣсненія дѣлаются бѣднымъ людямъ; видѣлъ суды неправедные... Видѣлъ, что бѣдные и притѣсненные по глупости и по трусости терпятъ обиду великую; стонутъ, а все таки покоряются, словно собака, которую бьетъ хозяинъ.

Насмотрѣлся на все это Лука. Противно стало ему и жадность богатыхъ людей и трусость бѣдныхъ.

Однажды идетъ онъ по дорогѣ, и вдругъ видитъ вдали монастырь. Стоитъ монастырь на горѣ, надъ рѣкой, весь въ садахъ.. Бѣлыя стѣны, зеленыя крыши, золотые купола весело выглядываютъ изъ густой листвы деревьевъ..... Толпы богомольцевъ идутъ къ монастырю, и выходитъ изъ него. Съ колокольни раздается тихій звонъ, призывающій вѣрующихъ на молитву.

„Пойду я въ монастырь, думаетъ Лука; тамъ живутъ святые люди; они служатъ Господу Богу,

молятся, добрыя дѣла дѣлаютъ; нѣтъ между ними ни споровъ, ни разборовъ, ни брани кровавой. Пойду въ монастырь, отдохну отъ мірскихъ беззаконій."

Приходитъ онъ въ монастырь; вошолъ въ церковь. Она была биткомъ набита народомъ. Тихо и хорошо въ церкви, монахи чинно поютъ молитвы; свѣчи горятъ и ярко освѣщаютъ иконы, и блестятъ иконы серебромъ-золотомъ, сверкаютъ самоцвѣтными камнями. Воздухъ ладаномъ пахнетъ... Хорошо!

„Хорошо здѣсь, какъ въ раю, подумалъ Лука, останусь я въ монастырѣ." Послѣ службы подходитъ онъ къ игумену и проситъ: „Дозволь, молъ, батюшка, мнѣ при монастырѣ остаться. Буду я у васъ тутъ какія ни есть работы исполнять, а тамъ можетъ и монашескаго чина удостоитъ меня Господь."

Ну ничего: позволилъ игуменъ. Опредѣлили Луку келіи убирать. Обрадовался Лука, идетъ на свое мѣсто — земли подъ собой не слышитъ. Только видитъ: сидятъ въ уголкѣ два монаха и такъ то ли горячо спорятъ.

„Мнѣ больше денегъ надавали, кричитъ одинъ, съ какой стати я ихъ тебѣ отдавать буду."

—„Проклятый ты врунъ, собака, кричитъ другой; вѣдь мы же уговаривались поровну по-

дѣлиться. Жуликъ ты!.... Кабы мнѣ больше дали, я бы отдалъ тебѣ твою часть."

Задорно показалось Лукѣ, что святые отцы такъ ругаются: „Не идетъ имъ, думаетъ, это." И спрашиваетъ онъ одного служку, о чемъ они спорятъ.

— „Да, вишь ты, есть тутъ чудотворная икона, и мощи есть тоже. Такъ вотъ иные богомольцы не могутъ за толпой продраться къ святымъ, ну и передаютъ деньги монахамъ, чтобы значитъ свѣчу поставить или такъ положить... Вотъ эти два монаха и уговорились: одному на икону деньги принимать, другому—на мощи, а потомъ значитъ чтобы поровну подѣлить. А теперь вишь братъ Иремей больше собралъ, ну такъ и нехочетъ дѣлиться. А братъ Гермогенъ —меньше... Вотъ они и спорятъ."

Ужаснулся Лука, услыхавъ, что монахи обкрадываютъ Святыню. Стоитъ онъ, какъ окаменѣлый, а монахи спорили, спорили, да какъ вцѣпятся другъ другу въ бороды. Страсть драка пошла! Братъ Гермогенъ былъ посильнѣе: смялъ онъ брата Иренея, отнялъ у него деньги, и убѣжалъ. Братъ Иреней вскочилъ, схватилъ камень, и пустилъ имъ въ Гермогена, чуть ему головы не прошибъ, а самъ ругается что на есть сквернымъ словами.

Побѣжалъ Лука къ игумену. „Святой отецъ, говоритъ, вотъ какія дѣла въ монастырѣ дѣлаются.“ Разсказалъ ему всю исторію.

Нахмурился игуменъ.

„Сынъ мой, говоритъ, какъ ты безпокоишь меня такими пустяками. Я усталъ, мнѣ отдохнуть хочется... Ступай себѣ!“

Пошолъ Лука, понуривъ голову: „Неужели, думаетъ, это здѣсь пустяками считается? Что же не пустяки будутъ?“

А игуменъ все таки призвалъ къ себѣ Иренея и Гермогена и выбранилъ ихъ:

„Дураки вы, говоритъ, знаете пословицу: воруй да не попадайся. Этакъ вы дурную славу на монастырь пустите, и всѣхъ богомольцевъ отгоните. Сами же тогда съ голоду сдохните! Идите, дураки, и помните, что если еще услышу о васъ что нибудь такое, такъ вздую обоихъ какъ Сидорову козу. Берите деньги, да шуму не дѣлайте!“

Выходитъ Ириней съ Гермогеномъ отъ игумена такіе сердитые. Встрѣтили Луку и давай костить его всячески:

„Погоди, говорятъ, такай сякой, попадешься ты намъ, ничего! Будешь помнить Кузькину мать!“

Вечеромъ пошолъ Лука кельи убирать. Коридоръ былъ у нихъ устроенъ, длинный такой,

а по обѣ стороны—кельи. Идетъ Лука по коридору, и слышитъ шумъ въ келіяхъ, страсть шумъ какой. Въ одной кельѣ поютъ, въ другой ругаются, въ третьей дерутся. Кабакъ одно слово. Посмотрѣлъ Лука въ одну келью сквозь щель въ дверяхъ; видитъ: въ кельѣ монахи и монашенки сидятъ; на столѣ стоитъ водка и закуска. Одинъ монахъ, съ гитарой въ рукахъ, пляшетъ трепака и поетъ:

„Ахъ ты милая, хорошая моя!“ Другіе монахи тоже подтягиваютъ ему... Монашенки сидятъ пьяныя, отъ вина покраснѣли...

Лука даже плюнулъ.

На другой день Лука пошолъ рано утромъ въ церковь и началъ молиться передъ чудотворной иконой богородицы, прося ее наказать нечестивыхъ монаховъ, и спасти его, поддержать его вѣру. Въ церкви не было ни души. Лука горячо молился предъ иконой. Эта икона была извѣстна на всю Русь. Она точила слезы, исцѣляла больныхъ и творила великое множество чудесъ.

Только входитъ игуменъ съ другимъ монахомъ. Не замѣтили они Луки. Подошолъ игуменъ къ иконѣ и придавилъ на ней одинъ подсвѣчникъ.

„Что это, братъ Филаретъ, слезы то у нашей

иконы не идутъ? Ужь не испортилась ли машина?“

— „Да ты, отецъ игуменъ, хорошо ли придавилъ подсвѣчникъ то?“

— „Крѣпко придавилъ, а слезъ все нѣтъ. Оказія!“

Сняли они икону со стѣны и стали осматривать. Видитъ Лука: у иконы позади глазъ дерево выдолблено, и положена въ этой ямкѣ мокрая губка; въ глазахъ дырочки подѣланы. Губка заложена дощечкой, а отъ дощечки приведенъ, за иконой позади, шнурокъ къ подсвѣчнику. Коли значитъ подсвѣчникъ придавишь, шнурокъ натягивается, дощечка давитъ на губку, и изъ глазъ иконы льется вода, будто слезы. Вотъ и вся механика! Просто, кажется, а денегъ много перепало за нее монахамъ. Осмотрѣлъ игуменъ икону, и видитъ, что шнурокъ ослабѣлъ, дощечка на губку не давитъ, и поэтому слезы не льются.“

— „Нужно поправить,“ говоритъ игуменъ.

Пошли они за шнуркомъ и за разными инструментами, а двери въ церкви заперли, чтобы неравно не вошолъ кто. Лука остался одинъ.

„Такъ вотъ, говоритъ, какая чудотворная икона! Мошенническая штука и больше ничего! И я молился этой раскрашенной доскѣ!“

Плюнулъ онъ иконѣ прямо въ глаза.

„Постой, думаетъ, посмотрю еще на мощи.“

Подошолъ онъ къ мощамъ, открылъ ихъ. Смотритъ—тѣло, какъ есть тѣло. Прикоснулся онъ — твердое что-то очень тѣло. Колупнулъ ногтемъ: кусочекъ тѣла отколупнулся. Глядь, а это воскъ, чистый воскъ, только покрашенный. Отломилъ онъ палецъ у святого, поднесъ къ огню: палецъ весь и растаялъ. Фигура то восковая оказалась. Плюнулъ Лука и на мощи. Тутъ входитъ игуменъ съ монахомъ; Лука едва успѣлъ спрятаться, а они стали поправлять икону; шнурокъ, молотокъ, гвозди — все съ собой принесли. Покончили работу. Игуменъ придавилъ подсвѣчникъ: слезы градомъ полились у иконы.

„Ну, теперь ладно!“ — говорятъ. Ушли они изъ церкви, а Лука подождалъ, пока служба началась, и ушолъ вмѣстѣ со всѣми. Насмотрѣлся онъ на святыни монастырскіе!

Хотѣлъ было послѣ этого Лука уйти изъ монастыря, да раздумалъ: „Посмотрю еще, говоритъ, какъ они эти чудеса дѣлаютъ. Кусокъ дерева или кусокъ воска, какъ можетъ онъ исцѣлять людей? Опять вѣрно механика какая нибудь подведена.“ Такъ онъ и остался.

Однажды вышелъ онъ погулять. Ходитъ этакъ

по берегу рѣчки и видитъ: ходитъ тоже монахъ и подбираетъ мелкіе, прозрачные камешки.

— „Что ты дѣлаешь?“, спрашиваетъ Лука.

— „Да вотъ камушки собираю.“

— „На что они тебѣ?“ Засмѣялся монахъ. „Много, говоритъ, будешь знать — скоро состаришься!“ Такъ и ушолъ, не сказавши.

На другой день приходитъ Лука въ церковь; видитъ: въ дверяхъ сидитъ этотъ же самый монахъ; около него народъ столпился. Всѣ слушаютъ:

„Когда Господь Іисусъ былъ распятъ на горѣ Галгофѣ, пречистая мать его стояла около и горько плакала, и капали ея слезы пречистыя на сыру землю. Сотворилъ тутъ Господь чудо великое: окаменѣли тѣ слезы и сохранились на горѣ Голгофѣ до днесь. Егда же азъ многогрѣшный сподобился быть во святомъ градѣ Іерусалимѣ, пошолъ я нагору Голгофу, и набралъ слезъ Пресвятой Дѣвы. Помогаютъ тѣ слезы, отъ многихъ скорбей и болѣзней... Купите, православные!“

Народъ крестился, и всякому хотѣлось взглянуть на чудесныя слезы. Многіе покупали: по пятаку штуку. Посмотрѣлъ и Лука. Видитъ: продаетъ монахъ тѣ самые камушки, что давеча на рѣчкѣ собиралъ. „Ну, думаетъ, хороши слезы. Ловко монахи обдуваютъ народъ!“

Прошло почти полъ-года. Наступалъ годовой праздникъ чудотворной иконы. Въ этотъ день въ монастырѣ сходилось въ десять разъ больше народу, чѣмъ обыкновенно. Дня за два до праздника случилось Лукѣ убирать комнату игумена; а рядомъ, въ другой комнатѣ сидитъ игуменъ съ Филаретомъ; дверь притворена, только все слышно.

„Чтожь, спрашиваетъ Филаретъ, какое же у насъ будетъ въ этомъ году чудо? Безъ чуда нельзя.“

„Какъ-же, какъ-же, отвѣчаетъ игуменъ, будетъ и чудо. Я уже нанялъ одного мальчишку. Бѣсноватымъ онъ у насъ будетъ. Ловкій парень; такъ умѣетъ бѣсноваться, что любо - дорого смотрѣть!“

—„А дорого дали?“, спросилъ Филаретъ.

„Просто даромъ почти: 10 рублей. А послѣ праздника онъ отправляется въ Соловки: тамъ тоже исцѣляться будетъ. Мы его сами туда отправимъ, чтобъ дѣло значитъ шито и крыто было.“ Игуменъ крикнулъ мальчика. Тотъ вошелъ.

„Ну-ка, Сенька, начинай съ Божьей помощью!“, сказалъ игуменъ. Сенька понатужился, посинѣлъ весь, закричалъ не своимъ голосомъ, упалъ на землю и сталъ корчиться. Пѣна шла у него изо рта, дикіе крики вырывались изъ груди, а руки

и ноги корчились. Ужасно было смотрѣть на мальчишку.

„Ловко,“ похвалилъ его Филаретъ.

— „Ну довольно, а то устанешь очень. Будетъ“ — говоритъ игуменъ. Сенька всталъ, какъ ни въ чемъ ни бывало.

Въ день праздника толпы народа привалили къ монастырю. Онѣ не могли помѣститься въ церки, и стояли во дворѣ. Промежь народу бродилъ и Сенька. Вдругъ онъ вскрикнулъ и началъ корчиться... Народъ отхлынулъ на нѣсколько шаговъ, и сталъ креститься: „Господи, молъ, что это такое?“ — А Сенька ломалъ свою комедію съ полъ часа и наконецъ пересталъ: умаялся значитъ. А потомъ и говоритъ: „Ахъ, православные, горькая моя судьба. Не молился я Богу, жалѣлъ давать деньги честнымъ отцамъ — монахамъ, и вселился въ меня за это бѣсъ. Мучаетъ онъ меня тяжко! Помогите, православные: нѣтъ ли гдѣ по близости иконы чудотворной? Авось она, матушка, исцѣлитъ меня. Я человѣкъ не здѣшній и не знаю, гдѣ мнѣ найти бы святую икону.“

Повели его православные въ монастырь, сказали объ немъ игумену. Тотъ посмотрѣлъ на

Сеньку, словно его въ первый разъ въ жизни видитъ, и сталъ служить молебенъ. А Сенька опять давай бѣсноваться. Кричалъ, кричалъ... Наконецъ игуменъ и говоритъ ему:

„Изыде, духъ нечестивый, изъ раба Божія Симеона. Силою Бога всемогущаго заклинаю тебя: изыде.“

Говоритъ это, а самъ подсвѣчникъ на иконѣ давитъ. У иконы изъ глазъ полились слезы...

„Сжалилась, матушка пресвятая Богородица, смиловалась,“ зашепталъ народъ. А Сенька сейчасъ вскочилъ, словно вѣкъ здоровъ былъ, и сталъ молиться иконѣ, благодарить за исцѣленіе. Народъ палъ на колѣни и прославлялъ Бога за великое чудо.“

Тутъ ужь Лукѣ не въ терпежъ стало: выступилъ онъ впередъ и говоритъ: „Православные, монахи подговорили мальчишку притвориться бѣсноватымъ! Они надуваютъ васъ. И икона у нихъ.....“

Но тутъ одинъ монахъ бросился на Луку и зажалъ ему ротъ. „Молчи, богохульникъ!“ закричалъ онъ. Другіе монахи подбѣжали тоже, скрутили Луку, и свели его въ погребъ. А потомъ представили начальству. Начальство стало судить его, и присудило за богохульныя слова сослать его въ Сибирь.

ГДѢ ЕСТЬ МѢСТО ДЛЯ БѢДНАГО?

Эхъ ты славная дорожка Володимірская! Много верстъ ты извиваешься, широкая и длинная, и ведешь ты изъ матушки Россіи прямо въ мачиху Сибирь. Выбита, утоптана дорожка Владимірская, и пыль, словно туманъ, надъ ней носится: а утоптана она ногами арестантскими и пыль взбита на ней сапогами казенными. Много горя проходитъ по той славной дороженькѣ, много слезъ на ней проливается, много стоновъ и проклятій на ней слышится... И идутъ по ней несчастные день и ночь, въ кандалахъ-оковахъ, подъ стражею; идетъ много ихъ, безъ счету, и долго еще идти будутъ... Неужели же, православные, не увидитъ Господь милосердый этихъ слезъ горючихъ, не услышитъ этихъ стоновъ жалобныхъ и не смилуется надъ „несчастными?“

Идетъ партія арестантская, идетъ тихо по дороженькѣ; арестанты кандалами побрякиваютъ, солдатики ружьями поблекиваютъ... И подходитъ партія къ самому концу Россіи-матушки. Тутъ стоитъ высокій столбъ, а надъ томъ столбѣ надписи подѣланы: съ одной стороны „Россія,“ съ другой — „Сибирь.“ Тутъ конецъ Россіи-матуш-

кѣ! И поднялся стонъ и свой между „несчастными;“ всѣ плачутъ, со своей родиной прощаются, они цѣлуютъ сыру землю, приговариваютъ: „Ты прощай, прощай, наша матушка; ты вскормила насъ, возлелѣяла и выростила; да не дали намъ злые люди счастья доли, и идемъ мы — несчастные, во проклятую сторонушку, въ Сибирь, на работу тяжкую, на житье безрадостное!“

Лишь одинъ арестантъ не плачетъ, не рыдаетъ, со своей родиной не прощается! Онъ стоитъ молча, пригорюнившись, потускнѣли его очи соколиныя, и невеселы его думы чорныя... То стоитъ Иванъ, старшій братъ, и думаетъ онъ о своихъ милыхъ братьяхъ.

Вотъ вдали по дорожкѣ пыль столбомъ закрутилася: то идетъ другая партія „несчастненькихъ.“ Арестанты цѣпями позвякиваютъ, солдатики ружьями потряхиваютъ... И межь этими несчастными идетъ Степанъ, средній братъ, худой блѣдный, изможенный, весь въ оковахъ-цѣпяхъ, съ клеймомъ на лбу... Вотъ подходитъ эта новая партія, и становится она на отдыхъ вмѣстѣ съ прежнею. Увидали братья другъ-друга — заплакали. Стали сказывать о своихъ похожденіяхъ, и невеселы были ихъ разсказы арестантскіе.

„Хорошо жить на Сѣверѣ, сказалъ старшій

братъ, хорошо тамъ жить богатому, хорошо жить помѣщику, фабриканту и заводчику... Но нѣтъ мѣста на Сѣверѣ для бѣднаго! Онъ живетъ тамъ въ кабалѣ у богатаго, въ одежонкѣ ходитъ оборванной; а ужь что ѣстъ-пьетъ, про то Богъ одинъ вѣдаетъ... Нѣту мѣста для бѣднаго на Сѣверѣ."

„Нѣту мѣста и на Югѣ для бѣднаго," говоритъ Степанъ, средній братъ.

Вотъ снова на дорогѣ пыль столбомъ поднимается: идетъ третья партія арестантская; а межь ними идетъ Демьянъ, идетъ онъ, оковами побрякиваетъ... Вотъ подходитъ новая партія; братья на шею другъ-другу кидаются они плачутъ, свои похожденія разсказывая. И говоритъ Демьянъ братьямъ своимъ: „Нѣту мѣста на Востокѣ для бѣднаго!" — Призадумались тутъ братья, пригорюнились. „Гдѣ же есть мѣста для бѣднаго?" думаютъ. И вотъ видятъ они: идетъ новая партія; а въ той партіи идетъ Лука, меньшій братъ... И говоритъ Лука братьямъ своимъ: „Нѣту мѣста на Западѣ для бѣднаго!"

Еще дуще тутъ братья задумались, только старшій братъ не печалится, и заводитъ онъ рѣчь разумную:

„Что же, братцы, говоритъ Иванъ, видно нигдѣ нѣтъ мѣста для бѣднаго, видно всѣ мѣста

богатыми заняты. Исходили мы всю Русь-матушку, и одно мы повсюду видѣли: вездѣ богатые грабятъ бѣднаго, вездѣ давятъ народъ міроѣды проклятые, тѣ дворяне, фабриканты и хозяева! Они держатъ рабочій людъ въ кабалѣ, обираютъ до ниточки, да предъ нимъ еще величаются, и ругаютъ его мужикомъ-дуракомъ. А начальство разное вмѣстѣ съ царемъ о своей лишь выгодѣ думаютъ, и о бѣдныхъ людяхъ не заботятся, и всегда они стоятъ за богатаго, защищаютъ лютыхъ грабителей, и законовъ такихъ понаписывали, чтобы бѣдныхъ связать по рукамъ по ногамъ, головой ихъ выдать грабителямъ...“

„А народъ! Сердце ноетъ; какъ вздумаешь, что покорно онъ переноситъ гнетъ, всякой сволочи онъ покоряется, и не чувствуетъ своей силушки. Глупъ народъ, братья милые, трусъ народъ православный, и спитъ онъ сномъ непробуднымъ, словно въ сказкѣ богатырь заколдованный. Словно вши и блохи мелкіе, его кровь сосетъ міроѣды грабители, а народъ спитъ и не чувствуетъ...“

„Только все же, братцы любезные, все жь наступитъ конецъ беззаконію. И ударитъ грозный часъ, пробудится народъ, онъ почуетъ въ себѣ силу могучую, силу необоримую, и раздавитъ онъ тогда всѣхъ грабителей, всѣхъ мучителей безжалостныхъ; рѣки крови прольетъ онъ въ гнѣвѣ

своемъ и жестоко отмститъ притѣснителямъ... Царь съ министрами и боярами, фабриканты и помѣщики, всѣ монахи лицемѣрные, всѣ мучители народные, всѣ получатъ воздоянія за грѣхи свои тяжелые. Всѣхъ ихъ сотретъ народъ съ лица земли и потомъ заживетъ припѣваючи.

Ахъ счастливое жь будетъ времечко, какъ не будетъ на землѣ никакого зла, ни неправды, ни прижимки, ни насилія... Мать сыра земля плодоносная, вѣковые лѣса дремучіе, и зеленые луга поемные — все то будетъ крестьянскимъ добромъ. Въ городахъ всѣ заводы и фабрики во владѣнье рабочимъ достанутся... И не будетъ тогда ни царя, ни помѣщиковъ, ни хозяевъ, ни начальниковъ, никого не будутъ въ солдаты брать, ни съ кого податей не потребуютъ, никого не станутъ въ Сибирь ссылать. И крестьяне вольные и рабочіе заживутъ въ довольствѣ и радости, безъ стѣсненья, на всей своей волюшкѣ.....

Гой вы, братцы мои любезные, ужь неужто мы станемъ въ Сибири сидѣть, на казну работать государеву? Не сдержать клѣткѣ орла могучаго, не сдержать тюрьмѣ добра молодца! Мы уйдемъ, братцы мои, на Русь-матушку, мы пойдемъ будить православный народъ: „Ужь вы встаньте, встаньте, мужики честные, вы оставьте свою трусость глупую, вы почуйте свою силу могучую. Подними-

тесь, православные, какъ божья гроза, и уничтожьте всѣхъ своихъ недруговъ!“

И забыли тутъ братья свою грусть тоску, они пѣсню удалую грянули... А на первую жь ночь изловчилися, и ушли изъ подъ стражи на волю...

Съ той поры они ходятъ по русской землѣ, они будятъ вездѣ мужиковъ-крестьянъ, ихъ зовутъ они на кровавый пиръ. Они ходятъ на Югѣ, на Сѣверѣ, на Востокѣ ходятъ, на Западѣ; ихъ никто не знаетъ, не вѣдаетъ, но всякъ слышитъ громкій голосъ ихъ: и отъ голоса того мужикъ ободряется, поднимаетъ свою голову опущенную, закипаетъ въ немъ кровь ключомъ, и готовъ онъ идти за волю свою, за землю и льготы крестьянскія. И когда просвѣтятъ они всѣхъ крестьянъ, загудитъ, зашумитъ Русь-матушка, словно море синее заколышится, и потопитъ волнами могучими она всѣхъ своихъ лютыхъ недруговъ.

Конецъ.